

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДОПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ И КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОССИИ

© 2019 г. М. Гардзанити

Доктор филологических наук,
профессор Флорентийского университета,
Италия, 50121, Флоренция, Виа делла Пергола 58–60
marcello.garzaniti@unifi.it

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2019 г.

Дата публикации: 30 июня 2019 г.

PERIODIZATION OF PRE-PETRINE LITERATURE AND THE END OF THE MIDDLE AGES IN RUSSIA

© 2019 Marcello Garzaniti

Doct. Sci. (Philol.)
Professor at the University of Florence,
Via della Pergola, 58–60, 50121, Firenze, Italy
marcello.garzaniti@unifi.it

Received: April 11, 2019

Date of publication: June 30, 2019

Резюме. В статье, исходя из дискуссии о “предвозрождении” и славянском “возрождении”, противопоставившей в 1950-е годы друг другу Д.С. Лихачева и Р. Пиккио, анализируется традиционная периодизация русской литературы, согласно которой различаются “средневековая” литература, длящаяся до конца XVII в., и т.н. литература “нового” времени. Особое внимание уделяется рассмотрению, с одной стороны, “Библиотеки литературы Древней Руси” под редакцией Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко (1997–2006), а с другой, — “Storia della civiltà letteraria russa” под редакцией М. Колуччи и Р. Пиккио (1997). Исходя из размышлений о литературном каноне, предложенных этими учеными, а также основываясь на результатах своих исследований о Максиме Греке и концепции “Москва — Третий Рим”, автор сосредотачивается на вопросе о литературном развитии первых десятилетий XVI века, которые в западной периодизации истории культуры и литературы представляют начало Нового времени. В заключении предлагается использовать такое же хронологическое разделение Средневековья и Нового времени в истории русской литературы, как и для остальных европейских литератур.

Ключевые слова: История допетровской русской литературы, литературный канон, Д.С. Лихачев, Р. Пиккио.

Abstract. Starting from the debate of the Fifties between D.S. Likhachev and R. Picchio regarding the ideas of “pre-renaissance” and “Slavic revival”, the article presents an analysis of the traditional periodization of Russian literature. Likhachev and Picchio agree in distinguishing a “Middle age” literature, which lasts until the end of the seventeenth century, from a later literature of “Modern” age, as we see in their publications here especially examined: the “Literature library of Ancient Rus” (Biblioteka literatury Drevney Rusi), edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriyev, A.A. Alekseyev, N.V. Ponyrko (1997–2006) and the “History of Russian literary civilization”, directed by M. Colucci and R. Picchio (1997). On the basis of their comments on reconstruction of the literary canon the author focuses on some aspects of literary development in the first decades of the 16th century, that in Western history mark the passage from the Middle Ages to the Early Modern period, with particular reference to his researches on Maksim the Greek, as well as on the idea of Rome in Moscow. In the conclusion it is proposed that for Russian literary civilization, as for the rest of the European continent, we can identify a caesura that divides the medieval period from the modern era. In this perspective it is possible to better understand the literary production of the Muscovy and the first Russian empire not only in relation to

the claim of the Rus heritage or to the Balkan and Byzantine world, but more generally in the wide European cultural and literary panorama.

Key words: History of Prepetrine Russian literature, literary canon, D.S. Likhachev, R. Picchio.

Для цитирования: Гардзанити М. Периодизация литературы допетровской эпохи и конец Средневековья в России // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 3. С. 5–13. DOI: 10.31857/S241377150005407-0

For citation: Garzaniti, M. *Periodizacija literatury dopetrovskoj epokhi i konets Srednevekovja v Rusii* [Periodization of Pre-Petrine Literature and the End of the Middle Ages in Russia]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 3, pp. 5–13 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150005407-0

DOI: 10.31857/S241377150005407-0

В дискуссии о “предвозрождении” и славянском “возрождении”, в 1950-е годы противопоставившей друг другу Д.С. Лихачева и Р. Пиккио, никогда не ставилась под сомнение традиционная периодизация русской литературы, согласно которой различаются “средневековая” литература, длящаяся до конца XVII в., и так называемая литература “нового” времени¹. Подобная периодизация исходит, прежде всего, из постоянства использования одного и того же языка, обычно называемого “древнерусским”, доминирующего в восточнославянской письменности до момента возникновения современного русского языка в XVIII веке. Впрочем, речь не идет о какой-либо исключительной ситуации в Европе, если учесть, что, например, в польской литературе различают древнюю и новую литературы, также основываясь на литературном языке и в тех же приблизительно временных рамках.²

Оставляя в стороне дискуссию об определении языка восточнославянской письменности до эпохи Петра Великого, который мы будем продолжать называть “церковнославянский язык восточнославянской редакции”, хотя и признаем при этом существование разных стадий его развития и форм³, в связи с “древней” литературой можно указать на временные и/или региональные различия, связанные с историей культуры и общества. Стремясь

соединить этот исторический подход с учетом эволюции литературных форм и жанров, Д.С. Лихачев выделил основные этапы развития письменности с момента первой “трансплантации” южнославянских памятников на почву Руси до укрепления “древней” литературы в Московском великом княжестве и в Русском царстве. Основные мысли ученого сформулированы, пусть и кратко, в предисловиях к томам “Библиотеки литературы Древней Руси” (БЛДР)⁴ [7]. Мы остановимся, в частности, на предисловиях к томам VI–X, объединившим самые разнообразные тексты, написанные между второй половиной XIV и XVI вв.

Предисловие к шестому тому – богатой антологии литературных произведений конца XIV – первой половины XV в. – уже своим заглавием обозначает точку зрения российского ученого. Вместо характерного для первых томов более широкого охвата памятников восточнославянской письменности Д.С. Лихачев сосредотачивается здесь собственно на “Литературе времени национального подъема”. Рассматривая развитие национальной русской культуры и литературы периода централизации государства, проводимой усилиями великого княжества Московского, ученый в то же время старается поместить ее в более широкую перспективу европейской культуры того времени. Приведем фрагмент, где отчетливо указывается на этот второй аспект, но одновременно подчеркивается и своеобразие развития русской культуры:

«Эпоху конца XIV – первой половины XV века было бы легко сопоставить с явлениями Возрож-

¹ Статья развивает и углубляет размышления, высказанные нами уже несколько лет назад [1]. По поводу дискуссии о “предвозрождении” и славянском “возрождении” ср. [2].

² Насколько важен вопрос о языке в истории славянских культур и литератур стало ясно из уже классических исследований под руководством Р. Пиккио, начавшихся в 1970-е гг. (см.: [3], [4]). Об анализе канонов в различных литературах Центральной и Восточной Европы в последние десятилетия см. нашу статью “Политика и литературные каноны в Центральной и восточной Европе” [5].

³ См. в связи с этим размышления В.М. Живова в его посмертно изданной книге [6] (см., в частности: [6, т. 1, с. 77]).

⁴ Богатый материалами портал Института русской литературы (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге в разделе “электронные ресурсы” предоставляет он-лайн доступ к томам “Библиотеки литературы Древней Руси” (БЛДР) [7] и к “Словарю книжников и книжности Древней Руси” (СККДР) [8]. Далее мы будем цитировать эти электронные издания без указания страниц бумажных.

дения на юге и севере Западной Европы, увидеть в России конца XIV — начала XV века элементы Возрождения. И они действительно были, но резкое отличие заключалось в том, что сопутствующее Возрождению светское начало вовсе не возросло в России. Объяснялось это прежде всего тем, что борьба за национальную независимость имела отчасти религиозные формы: она выливалась в формы борьбы христианства с мусульманством.

Поэтому-то, между прочим, в повестях о Куликовской победе доля церковного элемента значительно больше, чем в “Слове о полку Игореве”, а во всей русской литературе этого времени заметно усиление мистического элемента. Но главная черта литературы этого времени — национальный подъем, подъем национального самосознания, подъем глубокого интереса к родной истории и ко времени государственной и народной независимости Руси» [7, т. 6 (подчеркнуто нами — М.Г.)].

С точки зрения Д.С. Лихачева, этот период характеризуется подъемом “национального самосознания”, тесно связанного с религиозными формами. По его мнению, именно отсутствие “светского начала”, приобретающего такую силу в западном мире, препятствовало органическому развитию Возрождения в России. Подобно тому, как он уже это делал, выдвигая свою концепцию “предвозрождения” для интерпретации взаимоотношений с балканской культурой и в особенности так называемого второго южнославянского влияния, российский ученый стремится вписать ее в максимально широкий европейский контекст, усматривая при этом русскую специфику в наличии теснейшей связи между национальным самосознанием и религиозной принадлежностью.

Тема Возрождения вновь поднимается и углубляется в предисловии к следующему тому, посвященному литературе второй половины XV в. Предисловие озаглавлено “Литература эпохи исторических размышлений”. Приведем два фрагмента, особенно отчетливо позволяющих увидеть позицию автора:

“Вторая половина XV века на Западе — это период Ренессанса в культуре <...> был или не был Ренессанс в России, а если не было его как культурной формации, то коснулись ли России проблемы, поднятые Ренессансом в европейской культуре? <...> Ренессанс — это не оценочная категория, а историческая. Так называют эпоху, переходную к культуре Нового времени. Новое время в России вступило в свои права значительно позднее — на переломе от XVII века к XVIII. И с этой точки зрения в России Ренессанса в XV и XVI веках не было, но тем не менее не могли не быть отдельные ренессансные явления в общественной мысли, в изобразительном искусстве, в зодчестве и в литературе, вызванные

к жизни развитием ремесел, городской жизни, влиянием ренессансного окружения. <...> В России ренессансные явления сказывались главным образом в попытках эмансипации искусств, в развитии литературы как искусства и потребностях увидеть в человеке самостоятельную ценность, осмыслить роль и значение человека в истории. Процесс занял длительное время. Вторая половина XV века была только одним из его периодов...” [7, т. 7 (подчеркнуто нами — М.Г.)]

Итак, если даже и можно в России увидеть некоторые черты возрожденческой культуры, само Возрождение не является историческим этапом развития русской культуры, поскольку Новое время начинается в России позже, только на рубеже XVII—XVIII вв., во времена Петра Великого. Тем не менее его ранние приметы проявляются как в процессе автономизации искусства и литературы, так и в утверждении самоценности человека.

Автором предисловия и составителем следующего тома, посвященного переводной литературе XIV—XVI вв., является О.В. Творогов, многолетний соратник Д.С. Лихачева и авторитетный ученый Института русской литературы. Приведем короткий отрывок, где сформулирован его подход к проблеме:

«Мы видим, что переводная литература XIV—XVI веков существенно пополнила репертуар древнерусской книжности, открыла новые возможности для богословского и философского осмысления бытия. <...> Эти века украшают собой имена Епифания Премудрого, Пахомия Серба, митрополитов Даниила и Макария, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, царя Ивана Васильевича Грозного. Но несмотря на развитие национальной литературы, удельный вес литературы переводной все еще остается весьма значительным. Наглядным свидетельством станут “Великие Минеи Четьи” митрополита Макария, призванные собрать “все книги Четьи”, читающиеся и чтимые на Руси. Минеи все же содержат в большей своей части переводные памятники. И это совершенно естественно, так как перед нами средневековая литература, основной задачей которой в то время оставалось утверждение христианского православного мировоззрения и христианской нравственности. А переводная, в значительной своей части святоотеческая, литература в наибольшей степени отвечала этой потребности» [7, т. 8 (подчеркнуто нами — М.Г.)].

Как видим, О.В. Творогов говорит о существенной преемственности литературы XVI и XVII веков по отношению к предыдущему периоду, по крайней мере в случае корпуса переводов, и подчеркивает преобладающую установку на богословское, дидактическое и нравоучительное содержание,

особенно отчетливо заметную в “Великих Минеях Четьях” митрополита Макария.

Следующий том вновь открывает предисловие Д.С. Лихачева — статья, посвященная литературе первой половины XVI в. под заглавием “Эпоха решительного подъема общественного значения литературы”. К концу статьи ученый наконец называет те новаторские элементы литературы эпохи, которые сближают ее с развитием культуры европейского Возрождения. Он пишет так:

«Первая половина XVI века — эпоха, когда развивается вера в социальное переустройство общества на основе принципов “правды”, то есть “истины-справедливости”. На первый план начинает выступать новое сословие — сословие дворян — служилых людей. <...> ...дворянство стремится идеологически обосновать свои права и притязания, верит в силу разума. Впрочем, вера в доводы разума характерна не для одного дворянства. Во всем русском обществе поднимается вера не только в рассудок, логику, разумную целесообразность, но и в силу человеческого слова, в книгу. Роль и значение литературы поднимается необыкновенно. Сама литература меняет свой характер, становясь все более и более философичной, и проникается духом публицистической полемики. <...> Развитие публицистики — политической и философической — идет на гребне общего подъема веры в разум, характерной и для ренессансной Европы XVI века.

Представители же боярства редко предназначают свои сочинения непосредственно для царя. Они излагают свои взгляды не только для того, чтобы кого-то убедить, но и чтобы просто выразить свое негодование окружающими не порядками. Впоследствии Вассиан Патрикеев говорил, что его называли “дерзким языком”. Он жаловался, изливал свои недовольства: “Что убо безмилостивно и спротивно святым Писанием сътворяю, аще о сичевых беседу с боголюбивыми князи, плачася и рыдая церковное нестроение”.

Вера в книги была присуща и оппозиционному кружку, собиравшемуся вокруг приехавшего на Русь ученого-гуманиста Максима Грека. Участник кружка Берсень-Беклемишев спрашивал Максима, “как устроить государю землю свою, и как людей жаловать, и как митрополиту жити”. Максим отвечал ему: “у вас книги и правила есть, — можете устроиться” [7, т. 9 (подчеркнуто нами — М.Г.)].

В литературной культуре Московского государства, следовательно, выражена сближающая ее с западным возрожденческим миром вера в разум, которая проявляется, в частности, в развитии политической, философской и религиозной публицистики. Ее зачинатели — видные представители знати, как Вассиан Патрикеев, и те, которые собирались у “ученого гуманиста” Максима Грека

и образовывали вокруг него настоящий “оппозиционный кружок”.

В предисловии к десятому тому, озаглавленному «Литература “государственного устройства”» российский исследователь рассматривает развитие литературного творчества середины XVI в. — от “Домостроя” до “Великих Миней Четьих” — как процесс унификации и подчинения задаче превратить Москву в “новый Рим”. Этот процесс, совпадающий по времени с укреплением самодержавия и расширением границ российского государства, характеризуется утверждением личностного авторства, возникновением отчетливого исторического мировидения, но одновременно вниманием к деталям и к повседневной жизни. В превращении самодержавия в деспотизм в эпоху Ивана Грозного и в последовавшей за этим эмиграции Д.С. Лихачев видит регресс, происходивший под влиянием средневековой парадигмы, исторически неизбежно обреченной на провал:

“Жестокость и нетерпимость власти вызваны были не только личными и случайными свойствами Ивана Грозного, как часто думают. Эта жестокость лежала в социальном порядке вещей: эпоха подошла к воплощению полной средневековой унификации, — подошла, но не могла ее до конца осуществить. Монархическая же унификация казалась крайне необходимой после мучительных столетий политических разладов и феодальной культурной раздробленности. Оставшееся для достижения идеала малое, казалось, уже не имело реальных сил для сопротивления. Но вот в этом-то и крылась ошибка. Сопротивление монарху, всякое проявление хотя бы небольшого произвола злило, вызывало жестокое подавление и вместо идеала усиливало деспотизм, а вместе с деспотизмом — произвол, дробление еще худшее, чем раньше, отделение и бегство из центра на окраины — на Север в леса и на Юг в степи, на Восток, — что привело к освоению Сибири, на Запад — для продления в Польско-Литовском государстве той культурной работы, которая оказывалась невозможной в центре. Иван Федоров продолжает печатать книги в Остроге и Львове, Андрей Курбский — охранять и насаждать православие в Польско-Литовском государстве и полемизировать с Грозным, упрекая его за жестокость по крупным и мелким поводам.

Мелочи в конце концов стали мстить за себя и превратились в крупнейшие препятствия на пути к мифологическому идеалу всеединства, к которому стремился не один Грозный” [7, т. 10 (подчеркнуто нами — М.Г.)].

Суммируя размышления российского ученого, можно констатировать отчетливое понимание преемственности не только в языковых средствах, но и в фигуре монаха-переписчика, переводчика

и писателя, а также в наличии различных литературных жанров, сформировавшихся еще в самые древние времена существования письменной традиции. Однако с конца XIV в. Д. С. Лихачев отмечает ряд перемен, которые проявляются в возникновении элементов культуры гуманизма и Возрождения и в литературном плане приводят, в частности, к зарождению яркой и беспощадной публицистики, способной обсуждать религиозные, социальные и культурные проблемы. Эти тенденции, тем не менее, не становятся господствующими и не запускают процессы, аналогичные тем, что имели место в западных культурах и литературах; они растворяются внутри процесса стандартизации средневекового типа, которым сопровождается централизация Московского государства и Русского царства, и вновь обретают силу только в конце XVII в., в эпоху перехода к Новому времени.

“История русской литературной культуры” под редакцией Р. Пиккио и М. Колуччи, вышедшая в те же 1990-е гг. [8], хотя и предлагает схожую (с БЛДР) периодизацию, отражающую перемещение политического центра из Киевской Руси в Московское государство, в целом ряде моментов отличается от труда, выпущенного ИРЛИ. Первая часть является существенно переработанной и сокращенной “Историей древнерусской литературы”, опубликованной Р. Пиккио в Италии в 1959 г. [9] (новое дополненное издание вышло в 1968 г.), но увидевшей свет на русском языке только в новом тысячелетии [10]. В этом труде он признавал, что уже во второй половине XIV в. Русь участвовала в более широком и отчетливо выраженном процессе “Славянского православного Возрождения”. В главе “История русской литературной культуры”, посвященной этой теме и написанной Х. Гольдблатом (см.: [8]), хронологические рамки раздвинуты до начала XVI в. За размышлениями американского ученика Пиккио следует глава под редакцией Ч. Де Микелиса, посвященная ересям (XI–XVI вв.). В общем предисловии к книге [11], принадлежащем Р. Пиккио и М. Колуччи, подчеркивается тем не менее определенная произвольность предлагаемых схем и необходимость более глубокого изучения оставшихся открытыми вопросов⁵.

Исходя из этих наблюдений и опираясь, прежде всего, на наши исследования творчества Максима Грека, а также на размышления по поводу идеи “Москва – третий Рим”, мы хотели бы вкратце выделить некоторые особенности литературного

развития в историческом контексте тех десятилетий, которые в западной истории обозначают переход от Средневековья к Новому времени.

С исторической и культурной точки зрения в первую очередь трудно переоценить последствия Флорентийского собора и падения Константинополя, прежде всего – создание Русской автокефальной Церкви. В литературном плане это привело к возобновлению и развитию антилатинской полемики, проникшей в самый широкий спектр произведений – от полемического сочинения до агиографического рассказа и хождения, и подготовившей развитие публицистики XVI в. [12].

В плане культурном и литературном особую роль приобретает, несомненно, Великий Новгород, неизбежно подверженный культурному воздействию с Запада, прежде всего, реформаторским течениям и влиянию иудаизма⁶, который, однако, будучи постепенно интегрирован в Московское государство, оказался скоро в подчинении у столицы и в этой сфере. Это происходит в десятилетия, начиная от эпохи архиепископа Геннадия и его кружка до эпохи Макария, ставшего митрополитом Московским.

С нашей точки зрения, среди последствий Флорентийского собора и падения Константинополя особенно недооцененным остается приезд в Москву Софьи Палеолог вместе с небольшой греческой общиной, которая вскоре стала основной движущей силой московской дипломатии, способствуя укреплению отношений с западным миром и полноправно участвуя в международной политике. Это была греческая диаспора, происходившая из Италии и уже поэтому восприимчивая к тенденциям западной мысли, но сохранявшая при этом верность православной традиции и идеальную связь с исторической родиной, как можно увидеть из поступков самой Софьи (см. ее недавнюю биографию: [15]).

В этом же контексте нужно понимать приезд в Москву Максима Грека, сыгравшего исключительно важную роль в русской культурной истории⁷. Именно с его появлением в России

⁶ Один из наиболее значимых и не нашедших еще своего окончательного решения вопросов – реконструкция движения “жидовствующих”. В последние годы на эту тему было сказано много, опубликованы исторические исследования и изданы тексты. Сошлемся лишь на книгу Ч. Де Микелиса [13] и недавнее издание так называемой “Логике жидовствующих” под редакцией М. Таубе [14].

⁷ Ср.: [16]. Длительное пребывание Максима Грека в России следует рассматривать как важный элемент, не включенный в свое время в общую панораму, которую Р. Пиккио реконструировал в 1970-е гг., когда анализировал аналогии и совпадения

⁵ См., в частности, первый параграф предисловия “Имеющиеся данные и открытые вопросы” [11, р. 3].

утверждается практика создания полемических сочинений, использующих различные формы диатрибы и аргументации. Деятельность Максима Грека и, шире, греческой общины в Москве можно сравнить с деятельностью итальянских архитекторов и инженеров, способствовавших модернизации российского государства в начале нового времени. Их присутствие дало возможность Москвитину соотнести себя с внешним миром, подтолкнув к выработке культурной модели, позволявшей ориентироваться в новой исторической ситуации завершения средневекового периода. Деятельность и труды Максима Грека позволили русской православной традиции противостоять к шедшим с запада вызовам Нового времени, обеспечивая ее основными культурными инструментами, начиная с толкования Священного Писания, обращения к традиции патристики, но также и формами аргументации в русле классической традиции (ср.: [19], [20]).

В этом же контексте следует понимать и обращение к римско-византийской модели, чему благоприятствовало присутствие греков в Москве, основанное прежде всего на династических связях с домом Палеологов, на который неизменно ориентируется московский двор со времен Ивана III и до Ивана IV, когда окончательно утверждается концепция самодержавия. Переписка Ивана IV с князем Курбским является очевидным тому свидетельством⁸.

В России эта модель нашла специфическое выражение в разработке идеи Третьего Рима, которая, возникнув в монастырской среде, столкнулась с враждебностью греческой партии и — надо напомнить об этом — не имела отчетливого влияния на политику, утвердила в Московской Руси средневековую идею заместительной теологии в апокалипсическом ключе — антиримском и антиконстантинопольском⁹. Ключевой задачей было соотнести Москву с римским образцом точно так же, как это происходило в западном мире, где все радикальнее обозначалось резкое противостояние: с одной стороны, шло возрождение античного мира с мечтой о новом синтезе языческого

Рима и Рима христианского, символом чего стал новый собор Святого Петра, заменивший древнюю базилику эпохи Константина, хоть, с другой стороны, отчетливо формировался “антиримский комплекс”, утвердившийся в германском мире посредством протестантской реформы и ориентировавшийся на идеал первоначального, доконстантиновского христианства.

Следует также подчеркнуть, что за пределами узкого круга, где с эпохи гуманизма развивалась аристократическая культура, плоды которой станут осязаемы только в последующие столетия, и в западном мире также формировались конфессиональные сообщества, в которых литературное творчество служило исключительно идеологическим целям. Именно с этой точки зрения Нового времени, а не как стремление вернуться к Средневековью, следует рассматривать процесс культурной реорганизации православного общества в эпоху Ивана Грозного особенно такими деятелями, как митрополит Макарий, которые постарались установить идеологический и культурный канон, позволивший бы стать наравне с Западом. По отношению к средневековому прошлому устанавливается внешняя преемственность, но на самом деле формы и содержания обретают новую функциональность во вновь созданной модели, способной стать альтернативой западному миру католицизма и протестантизма. В таком же ключе следует рассматривать и “деспотизм” Ивана Грозного, и его развитие в историческом контексте, отличном от современного ему западного “абсолютизма”.

Естественно, в Московии не были в то же самое время возможны более автономные формы элитарной культуры, которые воспроизводили бы западные парадигмы литературы куртуазной любви с утверждением принципов “изысканной словесности”, поскольку в Москве в XVI в. не существовало придворной культуры, независимой от церкви, и даже в следующем веке, во времена Романовых, первым придворным поэтом был монах Симеон Полоцкий. Невозможно также было развивать независимый образ мыслей, поскольку в XVI в. не существовало академических институтов, которые использовали бы инструменты, предлагаемые схоластикой. Только в XVII в. с созданием первой московской академии были впервые заложены основы академического образования, но это произошло по инициативе греков, братьев Лихудов, получивших образование в Падуанском университете. И нельзя было даже ожидать в XVI в. появления системы литературных жанров, взятой из заново открытой гуманистами и Возрождением античной классики; такая система постепенно возникнет в России только во второй половине

между европейскими Западом и Востоком, подчеркивая роль византийской диаспоры, принесшей новые культурные смыслы как в Италию эпохи Гуманизма, так и в восточно-славянский мир, теснейшим образом связанный с балканскими славянами (см.: [17], [18]).

⁸ Приоритетным направлением исследований было бы изучение связей князя Курбского и Максима Грека, особенно в отношении использования библейских и святоотеческих источников. О присутствии Священного Писания в переписке Курбского с Иваном Грозным см.: [21].

⁹ Мы подробно писали об этом, см. [22, с. 121–158].

XVII в.¹⁰ Вопрос заключается в том, являются ли эти факторы, какими бы основополагающими они ни были для развития западного мира, обязательными для определения момента вхождения в Новое время русской культуры и литературы.

Литература и культура XVII века на Руси — это не только переходная эпоха, отмеченная влиянием западного мира, но прежде всего видоизменение и приспособление православной конфессиональной модели к историческим обстоятельствам, главным образом в соотношении и в соперничестве с польской барочной культурой, так что в некоторых аспектах можно наблюдать преемственность между эпохами Рюриковичей и эпохой Романовых, а не разрыв между ними¹¹.

В целом следует признать, что как Лихачев, так и Пиккио и Колуччи обращают внимание на эти обстоятельства и то, как они зафиксированы в литературных произведениях, и осознают их значимость, но часто толкуют их как проявление попыток сохранить средневековое прошлое, не видя в полной мере их ключевую роль и новую функциональность для упрочения Нового времени в России.

Именно по указанным выше причинам нам представляется возможным предполагать, что для русской литературной культуры, как и для всего остального европейского континента, можно определить общую границу, которая отделяет Средневековье от Нового времени. В этом случае литературное творчество Московии и Русского царства можно будет рассматривать не только как наследие Руси или Балканского и Византийского мира, но шире — в европейском культурном и литературном контексте. С этих позиций, оговаривая, конечно, соответствующие различия, можно будет построить более гармоничную картину развития европейских литератур. Распространение парадигмы Нового времени вслед за охватившими весь континент историческими преобразованиями шло дорогами постепенного приспособления и трансформации, где литературное творчество различных территорий часто опережало или способствовало изменению культурного сознания этнических и религиозных сообществ с учетом всей их специфики. Преодолевая, наконец, идеологические стереотипы XX века с его противопоставлением светского

и религиозного, сегодня можно с большей объективностью рассматривать культурные процессы конфессиональных обществ той эпохи и лучше понять литературные произведения, которые в течение долгого “переходного периода” и часто извилистыми путями привели к возникновению общеевропейского культурного горизонта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Garzaniti M.* Per una riflessione sulla periodizzazione della “letteratura russa antica” // Venok. *Studia Slavica* Stefano Garzonio Sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / A cura di G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso. Stanford, 2012. P. 11–17.
2. *Garzaniti M.* Il dibattito su “Prerinscimento est-europeo” e “Rinascita slava ortodossa” alla luce delle recenti ricerche // Il mondo slavo e l'Europa. VI Congresso degli Slavisti italiani. Torino, 28 – 30 settembre 2016 / A cura di M.C. Bragone, M. Bidovec. Firenze, 2019 (в печати)/
3. *Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi* / A cura di R. Picchio. Roma, 1972.
4. *Aspects of Slavic Language Question* / A cura di R. Picchio, H. Goldblatt. New Haven, 1984. Vol. 1–2.
5. *Garzaniti M.* Politica e canoni letterari nell'Europa centro-orientale, in XXI secolo. Comunicare e rappresentare / A cura dell'Istituto della Enciclopedia italiana. Roma, 2009. P. 127–134.
6. *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017.
7. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понько. Т.1–14. СПб., 1997–2006. [Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>].
8. СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси / Ред. Д.С. Лихачев, Ленинград, 1987–2004.
9. *Picchio R.* Storia della letteratura russa antica. Milano, 1959.
10. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Под ред. И.В. Дергачева, М., 2002.
11. *Storia della civiltà letteraria russa* / A cura di M. Colucci e R. Picchio. Torino, 1997. Vol.1–2.
12. *Garzaniti M.* Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della “santa Russia” // Giorgio La Pira e la Russia / A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze 2005. P. 223–239.
13. *De Michelis C.* “Giudaizzanti” e prima riforma (sec. XV). Torino, 1993.
14. *Taube M.* The Logika of the Judaizers. A Fifteenth-Century Ruthenian Translation from Hebrew. Jerusalem, 2016.

¹⁰ XVII веку посвящена фундаментальная работа Л.И. Сазоновой о русском барокко, в которой автор обосновал понятие *раннее Новое время*, обозначившееся по меньшей мере на полвека раньше собственного начала Нового времени в России (см.: [23, с. 16]).

¹¹ По вопросу о сложном восприятии Нового времени в православном христианстве в период XVI — XVIII веков см.: [24].

15. Матасова Т. Софья Палеолог. М., 2016.
16. Гардзанити М. Прибытие Максима Грека в Москву (1518) и международная дипломатическая обстановка // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко / Под ред. Ю.А. Перова. М., 2018. С. 57–72.
17. Picchio R. On Russian Humanism. The Philological Revival // *Slavia*. 1975. Vol. 46. № 4. P. 161–171.
18. Picchio R. *Ètudes littéraires slavo-romanes*. Firenze, 1978.
19. Garzaniti M. Michele Trivolis/Massimo il Greco (1470 circa-1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // *Cristianesimo nella storia*. 2015. № 2. P. 341–366.
20. Гардзанити М. Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // *Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого*. / Сост.: А.А. Алексеев, Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова, В.А. Ромодановская. СПб., 2017. С. 57–65.
21. Филюшкин А. Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.
22. Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности, М., 2014.
23. Сазонова Л.И. Литературная культура России, Раннее Новое время. М., 2006.
24. Garzaniti M. Il mondo dell'ortodossia nell'età moderna // *Le religioni e il mondo moderno* / A cura di G. Filoramo, I. Cristianesimo, a cura di D. Menozzi. Torino 2008. P. 68–84.
- rappresentare. A cura dell'Istituto della Enciclopedia italiana. Roma, 2009, pp. 127–134.
6. Zhivov, V.M. *Istoriya yazyka russkoj pismennosti: v 2 t.* [History of the Russian Written Language: in 2 Vols.]. Moscow, 2017. (In Russ.)
7. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. RAN. IRLI; Pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. T. 1–14* [Library of the Old Russian Literature. The Institute of Russian Literature of the RAS. Eds. Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A., Ponyrko, N.V. Vols. 1–14]. St. Petersburg, 1997–2006. [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>]. (In Russ.)
8. *SKKDR — Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of literates and writings of Ancient Rus'. Ed. D.S. Likhachev]. Leningrad, 1987–2004. (In Russ.)
9. Picchio, R. *Storia della letteratura russa antica*. Milano, 1959.
10. Picchio, R. *Istoriya drevnerusskoj literatury. Pod red. I.V. Dergacheva* [History of the Old Russian Literature. Ed. Dergachev, I.V.]. Moscow, 2002. (In Russ.)
11. *Storia della civiltà letteraria russa*. A cura di M. Colucci e R. Picchio. Torino, 1997. Vol. 1–2.
12. Garzaniti, M. Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della “santa Russia”. Giorgio La Pira e la Russia. A cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze 2005, pp. 223–239.
13. De Michelis, C. “Giudaizzanti” e prima riforma (sec. XV). Torino, 1993.
14. Taube, M. *The Logika of the Judaizers. A Fifteenth-Century Ruthenian Translation from Hebrew*. Jerusalem, 2016.
15. Matasova, T. *Sofya Paleolog*. Moscow, 2016. (In Russ.)
16. Gardzaniti, M. *Pribytie Maksima Greka v Moskvu (1518) i mezhdunarodnaya diplomaticheskaya obstanovka. U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubilejnyj sbornik v chest Aleksandra Vasilevicha Nazarenko. Pod red. Yu.A. Perova* [Arrival of Maxim Greek to Moscow (1518) and International Diplomatic Situation. By the Sources and Origins: on International and Interdisciplinary Ways. Jubilee Collection in Honor of Alexander Vasilevich Nazarenko]. Moscow, 2018, pp. 57–72. (In Russ.)

REFERENCES

1. Garzaniti, M. Per una riflessione sulla periodizzazione della “letteratura russa antica”. Venok. *Studia Slavica* Stefano Garzonio Sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio. A cura di G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso. Stanford, 2012, pp. 11–17.
2. Garzaniti, M. Il dibattito su “Prerinascimento est-europeo” e “Rinascita slava ortodossa” alla luce delle recenti ricerche. Il mondo slavo e l'Europa. VI Congresso degli Slavisti italiani. Torino, 28–30 settembre 2016. A cura di M.C. Bragone, M. Bidovec. Firenze, 2019. [In Print]
3. Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi. A cura di R. Picchio. Roma, 1972.
4. Aspects of Slavic Language Question. A cura di R. Picchio, H. Goldblatt. New Haven, 1984. Vol. 1–2.
5. Garzaniti, M. Politica e canoni letterari nell'Europa centro-orientale, in XXI secolo. Comunicare e

- sbornika Matfeya Desyatogo. Sost.: A.A. Alekseev, F.V. Panchenko, V.G. Podkovyrova, V.A. Romodanovskaya* [Translation and Usage of the Bible in the Maxim Greek' Creative Works. To the 510th Anniversary of the Bible Collection of Maxim the Tenth. Compilers Alekseev, A.A., Panchenko, F.V., Podkovyrova, V.G., Romodanovskaya, V.A.]. St. Petersburg, 2017, pp. 57–65. (In Russ.)
21. Filyushkin, A. *Andrej Mikhajlovich Kurbskij. Prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskij kommentarij k poslaniyam Andreya Kurbskogo Ivanu Groznomu* [Andrej Mikhaylovich Kurbskiy. Prosopographic Study and Hermenevtic Commentary to the Letters of Andrej Kurbskiy to Ivan The Terrible]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
 22. Gardzaniti, M. *Biblejskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoj knizhnosti* [Bible Quotes in The Slavonic Literary]. Moscow, 2014. (In Russ.)
 23. Sazonova, L.I. *Literaturnaya kultura Rossii, Rannee Novoe vremya* [Russian Literary Culture, The Early New Time]. Moscow, 2006. (In Russ.)
 24. Garzaniti, M. Il mondo dell'ortodossia nell'età moderna. Le religioni e il mondo moderno. A cura di G. Filoramo, I. Cristianesimo, a cura di D. Menozzi. Torino 2008, pp. 68–84.